

Сказка объ Иванѣ-Царевичѣ и гусяхъ-самогудахъ.

алеко, далеко за синимъ моремъ, за огненною пучиною, на мѣстахъ раздольныхъ, среди луговъ привольныхъ стоялъ городъ высокій, а въ томъ городѣ царствовалъ царь Умная Голова съ царицею, а какъ ее звали—и зналъ, да забылъ. Жили они долго, и родилась у нихъ на утѣху дочь, царевна прекрасная, которую назвали Неоцѣнной; а на другой годъ родилась и другая дочь, столько-же прекрасная, и назвали ту царевну Безцѣнной. Родовался, потѣшался, гулялъ, пилъ, ѣлъ и веселился царь Умная Голова на радостяхъ; меду триста три ведра воеводамъ выпоилъ; велѣлъ угощать пивомъ все свое царство по три дня: кто только хочетъ, пей—душа мѣра! Когда окончились все пиры и потѣхи, началъ царь Умная Голова о томъ думать, какъ ему своихъ любезныхъ дочерей вспоить, вскор-

мить, вырастить, да подъ златъ вѣнецъ поставить. Велики были царевы о дочеряхъ заботы! Кормили ихъ только золотыми ложками, спать укладывали на пуховыхъ ложахъ, покрывали собольими одѣялами и по три няньки было приставлено мухъ отгонять, когда царевны спать лягутъ. Повелѣлъ царь Умная Голова такъ дочерей своихъ беречь, чтобы красное солнышко лучами своими въ ихъ теремъ не заглядывало, роса холодная на нихъ не пала и вѣтеръ перелѣтний пахнуть на нихъ не смѣлъ. А для обороны и сохранности приставилъ царь къ дочерямъ своимъ семьдесятъ-семь нянекъ и семьдесятъ семь дядекъ:—такъ ему одинъ мудрый человѣкъ присовѣтовалъ.

Такъ-то жили, да поживали царь Умная Голова съ царицей и съ двумя дочерьми. Прошло не знаю сколько лѣтъ, и начали царевны подростать, полнѣть и хорошѣть. Начали уже и женихи къ царю пріѣзжать, да царь Умная Голова замужествомъ дочерей неторопился. Думалъ онъ, что если суженой, такъ его и на конѣ не объѣдешь; а не суженой, такъ хоть тремя цѣпями желѣзными прикуй, оторвется. Пока онъ думалъ такъ и разсуждалъ, слышитъ онъ однажды,—содомъ, суматоха! Всполошились, взбѣгались у него во дворцѣ: няньки плачутъ, мамки воютъ, дядьки голосомъ режутъ! Выбѣжалъ царь Умная Голова, спрашиваетъ: «что такое сдѣлалось?» Повалились къ нему въ ноги семьдесятъ-семь нянекъ и семьдесятъ-семь дядекъ: «виноваты» — говорятъ — вѣдь царевенъ-то Неоцѣну и Безцѣну вихремъ унесло!» Чудное дѣло случилось: вышли царевны въ царскій садъ погулять, пестрыхъ бабочекъ половить, краснаго маку пощипать и налив-

ными яблочками полакомиться. Откуда ни-возьмись, взвилось надъ ними черное облако, завѣяло глаза нянькамъ и дядькамъ; а какъ они опомнились, глаза протерли, обѣихъ царевенъ слѣдъ простылъ—видомъ не видать, слыхомъ не слышать! Взѣлся, всходилъ царь Умная Голова: «всѣхъ васъ», говоритъ, «злой смерти предамъ, въ тюрьмѣ уморю, на воротахъ велю горохомъ растрѣлять! Какъ! семьдесятъ-семь васъ нянекъ, да семьдесятъ-семь васъ дядекъ, а двухъ царевенъ устеречь не могли!!»

Вотъ закручинился, запечалился царь Умная Голова; не пьеть, не ѣсть, не спать, все горюеть да тоскуеть, и пировъ у него во дворцѣ нѣтъ, и гудковъ и сопѣлокъ не слышно,—только грусть-тоска сидитъ подлѣ него да унывную пѣсню напѣваетъ, какъ будто воронъ злобщій каркаетъ.

Но время переходчиво. Вѣкъ человѣческій, словно тканъ пестредевая, что цвѣтами черными и красными переткана. Прошло такъ еще сколько-то времени, и родилось у царя чадо, только ужъ не царевна, а царевичъ. Возрадовался царь Умная голова, назвалъ онъ сына Иваномъ, поставилъ къ нему дядекъ, пѣстуновъ, мудрыхъ учителей, храбрыхъ воеводъ. И началъ Иванъ-царевичъ расти да подрастать, будто пшеничное тѣсто на доброй опарѣ всходитъ; ростеть не по днямъ, а по часамъ, и что за красота диковинная, что за стать молодецкая!—Одно только сокрушало царя Умную Голову: хорошъ, пригожъ былъ Иванъ-царевичъ, да не было въ немъ молодецкой удали, богатырской ухватки... У товарищей головъ онъ не отрывалъ, рукъ и ногъ имъ не ломалъ, не любилъ онъ играть ни коньемъ

булатнымъ, ни мечемъ закаленнымъ, крѣпостей не строилъ и съ воеводами не бесѣдовалъ. Хорошъ, пригожъ былъ Иванъ-царевичъ, удивлялъ умомъ-разумомъ, да только и было у него утѣхи, что играть на гусляхъ-самогудахъ. И игралъ же Иванъ-царевичъ такъ, что всѣ его заслушивались! Какъ положить пальцы на струны,—онѣ запоютъ, загудятъ такимъ чуднымъ голосомъ, что отъ заунывной пѣсни и глухой заплачетъ, а отъ веселой и безпогій плясать пойдеть. Хороша пѣсня, да вѣдь казны царской ею не наполнишь, царства не защитишь, и злого врага не побѣдешь...

И велѣлъ однажды позвать къ себѣ царь Умная Голова Ивана-царевича, говорить ему: «сынъ мой возлюбленный! хорошъ ты и пригожъ, и вельми я тобою доволенъ. Одно сокрушаетъ меня: не вижу я въ тебѣ молодецкой удали, богатырской хватки! Не любишь ты коня булатнаго, не милъ тебѣ мечъ-кладенецъ. Вотъ я старъ становлюсь, а есть у насъ враги лихіе; придутъ они къ намъ; царство наше завоюютъ, воеводъ и бояръ смерти предадутъ, и меня съ царицей въ полонъ возьмутъ; а ты защищать насъ не учишься.» Выслушалъ Иванъ-царевичъ рѣчи царя Умной Головы, и говорить ему: «государь-царь-батюшка! не силой города берутъ, а хитростью; не дубиной бьютъ врага, а повадкой умною. Испытай мою силу богатырскую, испытай удалъ молодецкую! Вотъ, слышалъ я, были у меня двѣ сестры-царевны, и унесъ ихъ вихорь перелетный, и вѣсть объ нихъ запада, словно мятелью замело. Созови всѣхъ своихъ князей, богатырей, сильныхъ воеводъ, и вели имъ сослужить тебѣ службу—отыскать царевенъ-сестеръ моихъ. Пусть берутъ мечи булатные, коня желѣзные, стрѣлы каленыя, воин-

ства безчисленные; и если кто тебѣ такую службу сослужить, отдай тому царство мое, а мнѣ вели у него поваренкомъ быть, скоморохомъ слыть. Если-жъ не возьмется они сослужить тебѣ такую службу,—я тебѣ сослужу ее, и тогда увидишь ты, что умъ-разумъ острѣе меча булатнаго и крѣпче коня закаленнаго.»

Понравилась царю рѣчь Царевича; созвалъ онъ бояръ, воеводъ, сильныхъ, могучихъ богатырей, говорить имъ: «есть-ли кто изъ васъ, бояре, воеводы, сильные могучіе богатыри, такой молодецъ, чтобы взялся отыскать дочерей моихъ? Тому я люблю изъ нихъ на выборъ дамъ, и полъ-царства за нею въ приданое». Оглянулись другъ на друга бояре, воеводы, богатыри, другъ за друга прячутся, никто рѣчи начать не смѣетъ.... Въ тѣ поры Иванъ-царевичъ поклонился родителю и говоритъ: «государь-батюшка! если никто не берется тебѣ сослужить такую некорыстную службишку,—благослови меня въ путь-дорогу! Пойду я, отыщу сестеръ моихъ, а за то никакого царскаго твоего жалованья мнѣ не надобно.» — «Хорошо», отвѣчалъ царь Умная Голова, «вотъ тебѣ мое благословенье. Бери казны, злата, серебра, камня многоцѣннаго... Воинства-ли надобно—сто тысячъ бери конниковъ, да сто тысячъ пѣшей дружины». — «Не надобно мнѣ», говоритъ Иванъ-царевичъ, «ни серебра, ни злата, ни конныхъ, ни пѣшихъ, ни коня богатырскаго, ни мечъ, ни копье. Возму я съ собой только гусли-самогуды звончатые. А ты, государь-царь, дождайся меня три года: не пріѣду на четвертый годъ, избирай себѣ наследника». Вотъ, по сказанному, какъ по писанному, принялъ Иванъ царевичъ отцовское благословен-

ніе, Богу помолился, взялъ подъ мышку свои гусли-самогуды, и пошелъ путемъ-дорогой куда глаза глядятъ. Гдѣ идти, гдѣ сестеръ найти? Шелъ онъ шелъ близко-ли, далеко-ли, низко-ли, высоко-ли—скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Иванъ-царевичъ впередъ идетъ, подвигается, пѣсни на гусяхъ наигрываетъ; настанетъ утро—онъ встаетъ, да плетется своей дорогой; настанетъ ночь—онъ ляжетъ на муравъ шелковой, подъ широкимъ покрываломъ, небеснымъ сводомъ съ чистыми звѣздами. И зашелъ онъ, наконецъ, въ лѣсъ дремучій. Слышитъ Иванъ-царевичъ—трещитъ дремучій лѣсъ, будто кто его ломаетъ—стукотня, громотня по лѣсу. «Чтожъ», думаетъ Иванъ-царевичъ,—«двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать!»—И пошелъ страху въ глаза... Видитъ, стоятъ два лѣшіе и дерутся... Одинъ колотитъ другаго дубомъ коренастымъ, а другой по ребрамъ товарища возитъ сосной, сажень въ пять—бьются изо всей бѣсовской силы! Подошелъ къ нимъ Иванъ царевичъ, снялъ гусли и заигралъ плясовую. Лѣшіе опѣшили, затанули какую-то чертовскую пѣсню, да какъ пустились трепака, такъ до неба копоть поднялась. Плясали они, плясали, утомились, на землю свалились, а Иванъ царевичъ съ ними бесѣду повелъ. «Ну, что вы», говоритъ, «деретесь? Вы оба, ребята, лѣшіе исправные; а дурачитесь, словно люди?» Говоритъ ему одинъ изъ лѣшихъ: «какъ же намъ не драться, разсуди ты самъ: шли мы путемъ-дорогой и нашли находку. Я говорю: моя, а онъ говоритъ: моя—дѣлиться начнемъ, раздѣлить не можемъ!»—«А какая ваша находка?» спросилъ Иванъ-царевичъ.—«А вотъ такая: скатертка-хлѣбосолка, сапоги-самоходы, да

шапочка-невидимочка. Захочешь попить, поѣсть—разстели скатеретку, и двѣнадцать молодцовъ, да двѣнадцать дѣвицъ принесутъ тебѣ питья медвяныя и яства сахарныя—ѣшь не хочу! А пошелъ куда-нибудь, надѣнь сапоги-самоходы,—и начнешь шагать по семи верстѣ; а чуть пошажишь, такъ четырнадцать, такъ что за тобой птицѣ не улетѣтъ, и вѣтру не угнаться. А коли грозить тебѣ бѣда неминуемая, надѣнь шапочку-невидимку, и сгинешь такъ, что собака чутьемъ не отыщеть».—«Да о чемъ-же вамъ драться? Хотите я подѣлю находку, если дадите на морарычъ?» Лѣшіе согласились, а Иванъ-царевичъ и говоритъ:—«вотъ, бѣгите вы по той дорожкѣ, и кто изъ васъ кого перегонитъ, тому скатеретка, сапоги и шапка».—«Ахти!» говорятъ лѣшіе, «да вѣдь ты насъ на умъ навелъ! Побереги находку, а мы побѣжимъ!»—И ударились они бѣжать—только пятки видны, и скрылись за лѣсомъ; а Иванъ-царевичъ не сталъ ихъ дожидаться, надѣлъ сапоги на ноги, шапочку на голову, скатеретку взялъ подъ мышку и былъ таковъ — поминай, какъ звали. Лѣшіе прибѣжали назадъ—только мѣсто знать, гдѣ царевичъ стоялъ; а Иванъ-царевичъ шагаль пошажишь, изъ лѣсу вышелъ, видѣлъ, какъ лѣшіе его обгоняли, перегоняли, слѣдъ нюхали, ничего не нашли и рукой махнули....

Шель, шель Иванъ-царевичъ путемъ-дорогой—шагаль, шагаль, и пришелъ на чистое поле; три дороги лежатъ, а на перекресткѣ стоитъ избушка, на курьихъ ножкахъ повертывается. Молвилъ ей Иванъ-царевичъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ». Вошелъ въ избушку Иванъ-царевичъ, и видитъ—сидитъ въ избѣ Баба-Яга,

костяная нога. «Фу, фу, фу!» говоритъ Баба-Яга—«русскаго духу доселѣ видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ русскій духъ въ очію является! Зачѣмъ пожаловалъ, добрый молодецъ?»—«Охъ, ты!» говоритъ ей Иванъ-царевичъ, «баба неразумная! ты бы меня добраго молодца накормила, а потомъ ужъ спрашивать стала». Вскочила Баба-Яга, откуда прыть взялась—печку истопила, накормила Ивана царевича, и стала его спрашивать: «куда ты, добрый молодецъ, идешь, куда путь держишь?»—«Иду я», говоритъ ей Иванъ-царевичъ, «ищу сестеръ своихъ, царевну Неоцѣну и царевну Безцѣну. А ты, бабушка, если знаешь—скажи: по какой дорогѣ мнѣ идти, гдѣ ихъ найти?»—«Гдѣ живетъ царевна Неоцѣна, знаю», говоритъ Баба-Яга; «идти къ ней по средней дорогѣ; а живетъ она въ палатахъ бѣлокаменныхъ, у стараго мужа, Лѣснаго Чуда. Да только дорога трудна, идти далеко, а и придешь—толку мало: Лѣсное Чудо съѣстъ тебя!»—«Ну, бабушка, авось подавится—вѣдь русскій человекъ костлявъ, да и Богъ не выдастъ, такъ свинья не съѣстъ! Прощай, спасибо за хлѣбъ за соль!» И вотъ зашагалъ отъ нея Иванъ-царевичъ; смотритъ: забѣлились въ чистомъ полѣ каменные палаты Чуда Лѣснаго. Подошелъ къ нимъ Иванъ, и видитъ ворота, а у воротъ сидитъ какой-то бѣсенокъ, говоритъ: «пускать не велѣно!»—«Пусти, пріятель»,—отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ,—«пусти пожалуйста—на водку дамъ!» Бѣсенокъ на водку взялъ, а въ ворота все-таки не пустилъ. Тутъ Иванъ-царевичъ обошелъ палаты кругомъ, и задумалъ перелѣзть черезъ стѣну; полѣзъ, перелѣзъ, да бѣды не замѣтилъ: на верху стѣны протянуты были струны, и какъ только Иванъ-царевичъ за

одну струну ногой задѣлъ, пошли звоны-трезвоны... Глядитъ Иванъ-царевичъ—выскочила на крыльцо сестра его, царевна Неоцѣна и говорить: «ужь не ты-ли пришелъ, братъ возлюбленный, Иванъ-царевичъ?» И обнялись и разцѣловались братъ съ сестрой.—«Куда», говорить царевна Неоцѣна, «спрятать мнѣ тебя отъ Лѣснаго Чуда—я думаю, что онъ сейчасъ придетъ!»—«Да куда ты меня спрячешь? Вѣдь я не иголка». Говорятъ еще братъ съ сестрой—и вдругъ загудѣлъ вихорь-погода, задрожали палаты, явился Чудо-Лѣсное, а Иванъ-царевичъ шапку-невидимку надѣлъ, и невидимъ сталъ. Чудо-Лѣсное и говорить: «а гдѣ у тебя гость, что черезъ стѣны лѣзъ?» — «Никакого гостя у меня нѣтъ», отвѣчала царевна Неоцѣна; «а можетъ, воробей летѣлъ, крыломъ зацѣпилъ!» — «Какой воробей! я слышу, что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ!» «Съ чего тебѣ мерещится? рыщешь по бѣлу свѣту, всякаго духу наберешься, да на другихъ и сваливаешь!» — «Не сердись, царевна Неоцѣна, я вѣдь твоему счастью никакого лиха не причиню, а только мнѣ теперь поѣсть хочется, такъ я бы того невѣжду съѣлъ!» сказалъ Чудо-Лѣсное. Иванъ-царевичъ снялъ свою шапочку-невидимку, Лѣсному-Чуду поклонился и говорить: «на что же тебѣ меня ѣсть? Видишь, какой я сухопарый! А лучше я угощу тебя такимъ завтракомъ, какого ты отродясь не ѣдалъ—смотри только, берегись, языка не проглоти!» Развернулъ Иванъ-царевичъ скатеретку-хлѣбосолку, явились двѣнадцать молодцовъ, двѣнадцать дѣвушекъ, начали Чудо-Лѣснаго угощать—ѣшь не хочу; ѣлъ, ѣлъ, ѣлъ Чудо-Лѣсное, напился, наѣлся, что съ мѣста встать не можетъ: гдѣ сидѣлъ, тутъ и заснулъ. «Теперь прощай, моя сестра лю-

безная», сказалъ ей Иванъ-царевичъ, — «да скажи ты мнѣ: не знаешь-ли ты, гдѣ живетъ младшая сестра наша, царевна Безцѣна?» — «Знаю», — отвѣчала ему царевна Неоцѣна, — «ѣхать къ ней по морю Окіану, и живетъ она въ самой окіанской пучинѣ, у стараго мужа, Чуда-Морскаго. Да только дорога трудна, плыть далеко, а толку мало — приплывешь ты къ Чуду-Морскому, онъ и съѣстъ тебя». — «Ну», говоритъ Иванъ-царевичъ, «авось пожуетъ, да не проглотитъ... Прощай, сестра!» Началъ шагать Иванъ-царевичъ; и пришелъ къ морю-Окіану. Стоитъ у берега ладья морская, такая, какъ русскіе люди на промыселъ ходятъ: снасти лыковыя, паруса рогоженные, и сама ладья не гвоздями сбита, а берестой сшита. И на той ладѣ корабельщики собираются за море Окіанъ, за Бузайскій островъ плыть. «Не возьмете ли», — говоритъ имъ Иванъ-царевичъ, — «меня съ собой? За провозъ я вамъ ничего не заплачу, а буду дорогой сказки сказывать, такъ вамъ и дороги замѣтитъ будетъ некогда». Согласились корабельщики, поплыли по морю Окіану, проплыли Бузайскій островъ, Иванъ царевичъ имъ сказки сказываетъ, а ладья плыветъ да плыветъ. Вдругъ, откуда ни возмись, налетѣла буря, зашумѣла гроза, затрещала ладья. «Ахти!» — закричали корабельщики — «мы красная заслушались, а не-въ-домекъ намъ, что приплыли мы на Окіанскую пучину! Дѣлать нечего — надобно Морскому-Чуду дань платить — кидайте жеребій: онъ виноватаго сыщеть!» Кинули жеребій, и упалъ онъ на Ивана-царевича. «Дѣлать, братцы, нечего», сказалъ Иванъ-царевичъ, «за хлѣбъ-за соль спасибо — прощайте, да не поминайте лихомъ!» Взялъ онъ съ собой сапоги-самоходы скатеретку-хлѣбосолку, шапочку-неви-

димку да гусли-самогуды; раскочали его добраго молодца и бросили въ окіанскую пучину. Стихло море, поплыла ладья, а Иванъ-царевичъ пошелъ, какъ ключъ, ко дну, и прямо сталъ на ноги въ чертогахъ Морскаго-Чуда, предиковинныхъ, преузорчатыхъ! Сидитъ Морское Чудо, а подлѣ него царевна Безцѣна, и говоритъ Чудо-Морское: «Вотъ, давно не ѣлъ я свѣжаго мяса, а оно и само мнѣ въ руки идетъ,—здорово, пріятель! Поди-ка сюда, я посмотрю, съ котораго конца начать тебя!» Тутъ Иванъ-царевичъ началъ говорить, что онъ братъ царевнѣ Безцѣнѣ, и что такъ у добрыхъ не водится, людьми не обѣдаютъ. «Вотъ еще», закричалъ Морское-Чудо, «въ чужую обитель со своимъ уставомъ пришелъ!» Видитъ Иванъ-царевичъ, что быть худу, взялъ гусли-самогуды и какъ заигралъ заунывную, такъ Чудо-Морское разрюмился, вздыхать сталъ, словно кузнечными мѣхами дуетъ, плачетъ, охаетъ, словно иголку съѣлъ; а тутъ, какъ пріударить Иванъ-царевичъ *«Чарочки по століку похаживаютъ»* — такъ не только что другое, и чертоги-то его сами подбоченились, да плясать пустились; а Чудо-Морское, какъ пошелъ въ присядку, такъ и не унять—ногами топаешь, пальцами щелкаетъ, глазами хлопаетъ, а рожей такія штуки корчитъ, что рыбы смотрѣть сбѣжались — хохочутъ помирають. Понатѣшился Чудо-Морское:—«ну», говорить, «такого молодца грѣшно ѣсть! Оставайся, живи у насъ, садись—гость будешь? Эй, вы, сельди, щуки, лещъ, окуни! Подавайте на столъ, кормите, поите, дорогаго гостя».—Сѣли Иванъ-царевичъ, царевна Неоцѣна и Чудо-Морское, пили, ѣли, прохлаждались. Кинтъ передъ ними нѣмецкую пляску сплясалъ, сельди хоромъ пѣсни пѣли, а ка-

раси на разныхъ инструментахъ играли. Послѣ обѣда Чудо-Морское задремалъ, а царевна Безцѣна говоритъ: «братъ мой возлюбленный! рада я тебѣ, дорогому гостю; а все же уходи поскорѣе. Проснется Чудо-Морское, съѣстъ онъ тебя, если подьлихой часъ придется!» — «Скажи мнѣ, сестра любезная, — отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, «какъ мнѣ сестру нашу Неоцѣну отъ Чуда-Лѣснаго, а тебя отъ Чуда-Морскаго избавить?» — «Если хочешь, такъ можешь счастья отвѣдать, да только плохо вѣрится. Есть тутъ за моремъ-Окіяномъ царство великое; а царить въ немъ не царь, а царица, по названію Царь-дѣвица. Если ты къ ней въ царство проберешься, въ ея заповѣдныя сады войдешь, то Царь-дѣвица тебѣ супругой будетъ, и только она можетъ насъ освободить и къ отцу къ матери воротить. Да только та бѣда — стража у нея строгая, никому на берегъ выйти не даютъ — пушками уставлено, копыями утыкано, и на каждомъ копьѣ по головѣ воткнуто — и все головки тѣхъ молодцовъ, что къ Царь-дѣвицѣ свататься пріѣзжали. Бывали цари, царицы, короли, королевичи, сильные могучіе богатыри, и съ войскомъ приходили, съ кораблями приплывали, да ничего сдѣлать не могли: всѣ на копыя угодили!» — «Вотъ», говоритъ Иванъ-царевичъ, — «есть чего бояться! Страшна гроза небесная, да велика и милость Божія. Ты скажи только, какъ мнѣ до царства Царь-дѣвицы добратся?» — «Добратся туда мудреное-ли дѣло? Дамъ я тебѣ моего любимаго осетра; садись на него и поѣзжай, а дорогу показывать поплыветъ передъ вами мой скороходъ, стерлядь носатая». — Простились братъ съ сестрой, сѣлъ Иванъ-царевичъ на осетра, погоняетъ, а стерлядь впередъ плыветъ, путь показываетъ. Раки встрѣ-

чаютъ, Ивану-царевичу усами честь отдають, въ барабаны клещами бьютъ, а мелкую рыбу съ дороги гонять.— По морю не то, что по суху — иѣтъ ни пенька, ни задоринки, дорога гладкая: катись, что по маслу! Катить Иванъ-царевичъ, надѣль шапочку-невидимку, смотритъ, что сторожа Царь-дѣвицы глаза таращатъ, въ даль глядятъ, а подъ носомъ ничего не видятъ, а сами мечи точатъ, стрѣлы острятъ. А Иванъ-царевичъ къ берегу подѣхалъ, осетръ его къ пристани причалилъ, поклонился, на водку попросилъ, — и вышелъ на берегъ Иванъ-царевичъ, мимо сторожей прошелъ, не поклонился, въ заповѣдныя сады вошелъ, словно хозяинъ; ходитъ, расхаживаетъ, любитъся, ѣсть яблоки наливчатые...

Вотъ, ждетъ, пождетъ Иванъ-царевичъ, видитъ, что прилетѣли къ пруду двѣнадцать бѣлыхъ голубицъ, ударились о землю и стали двѣнадцать дѣвицъ, такихъ прекрасныхъ, какъ звѣзды небесныя, и такихъ дородныхъ, что кровь съ молокомъ! Между ними Царь-дѣвица навой ходить, и говорить: «Подруги мои любезныя! жарко стало — видите, какъ солнышко горячо печетъ! Станемъ мы купаться, насъ здѣсь лихой глазъ не сглазитъ. Стоитъ у меня по берегу такая крѣпкая стража, что и муха мимо ея не проскочить.» — «Муха не проскочить? Такъ вотъ же и проскочила!» — сказалъ Иванъ-царевичъ, снялъ шапку-невидимку, и низко Царь-дѣвицѣ поклонился. Царь-дѣвица и подруги ея, по дѣвичьему обычаю, разохались, раскричались, думаютъ бѣжать, да не бѣгутъ, хотять не глядѣть, да поглядываютъ, прищурясь. — «Царь-дѣвица, и вы, красныя дѣвицы», — молвилъ Иванъ-царевичъ, —

«чего вы меня боитесь? Вѣдь я не медвѣдь, не кусаюсь, сердца неволей не возьму, а коли есть изъ васъ моя суженая, такъ я ей ряженный». Тогда Царь-дѣвица раскраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, подала Ивану-царевичу руку бѣлую, говоритъ: «добро пожаловать, добрый молодецъ! Царь-ли ты царевичъ, король-ли ты королевичъ, не знаю; а если ты пришелъ ласковымъ гостемъ, такъ и пріемъ тебѣ будетъ привѣтливый. Приходили ко мнѣ невѣжды, грубіяны, хотѣли дѣвичье сердце силой взять, чего отъ начала свѣта не слыхано. Пойдемъ въ мои чертоги бѣлокаменные, въ мои терема хрустальные».

Услышалъ народъ, что пришелъ къ ихъ царевнѣ, Царь-дѣвицѣ, женихъ по сердцу, толпой привалили старый и малый, шумять, гамять, веселятся на распашку... Велѣла Царь-дѣвица отдать имъ свой царскій погребъ, на радости въ бубны и литавры бить, на гудкахъ играть; а на другой день веселымъ пиркомъ и свадебку играли. И были пиры по три дни, было веселье по три недѣли. И говоритъ потомъ Иванъ-царевичъ супругѣ своей о томъ, какъ бы его сестеръ, одну отъ Лѣснаго-Чуда, а другую отъ Морскаго-Чуда освободить. «Супругъ мой возлюбленный, Иванъ-царевичъ!» отвѣчала она ему, — «чего я для тебя не сдѣлаю? Пошлите мнѣ ерша подъячаго, да воробья-писаря, пусть напишутъ указы Лѣсному-Чуду и Морскому-Чуду, — отпустить сестеръ Ивана-царевича, а не то я велю ихъ въ приказъ привести и злой смерти предать!» — И написали ершъ подъячій да воробей-писарь указы, и послали ихъ. И нечего было дѣлать Лѣсному-Чуду и Морскому-Чуду! Отпустили они царевну Неоцѣну и царевну Безцѣну. На-

писалъ Иванъ-царевичъ грамотку отцу своему, царю Умной-Головъ: «видишь, царь государь, не все берутъ силой, да храбростью, а также умомъ и хитростью! И гусли-самогуды иногда пригодятся не хуже меча-кладенца, хоть и есть присловье, будто плетью обуха не перестегашь. Приѣзжай ко миѣ, батюшка, въ гости, а я къ тебѣ и самъ съ сунругой да съ сестрами буду! Готовъ пиръ богатый, а я тебѣ многолѣтняго здравія желаю». И началъ Иванъ-царевичъ жить-поживать, добра наживать; и жилъ онъ долго, царствовалъ славно, угощалъ меня исправно, то-то я и сказку про него сложилъ забавно.

